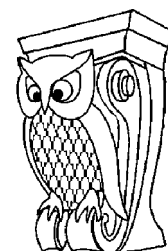

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 17–23
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 17–23
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

Научная статья
УДК [94+378.2](47+57):94(4)|653|+929Бартенеv

Алексей Сергеевич Бартенеv: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры

А. М. Скворцов

¹Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 5, литера Б

²Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

Скворцов Артём Михайлович, кандидат исторических наук, ¹доцент, научный сотрудник сектора социальных и когнитивных проблем науки; ²доцент кафедры истории России и зарубежных стран; artyom-skvorcov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3287-4154>, AuthorID: 638407

Аннотация. В данной статье становление А. С. Бартенева как ученого-медиевиста рассматривается на широком фоне институциональных изменений и реформирования системы высшего образования и аспирантуры в СССР второй половины 1920 – первой половины 1930-х гг. Развитие системы подготовки научных кадров в области медиевистики происходило под непосредственным влиянием ученых «старой» школы, которые стремились адаптировать традиционные требования к квалификационным сочинениям к новым условиям, устанавливая тем самым преемственность в развитии науки.

Ключевые слова: Бартенеv А. С., Саратовский университет, Ленинградский университет, медиевистика, диссертационная культура, советская аспирантура

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 22-28-00557 «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

Для цитирования: Скворцов А. М. Алексей Сергеевич Бартенеv: становление учёного-медиевиста в контексте формирования советской диссертационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 17–23. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Alexei Sergeyevich Bartenev: The Becoming a Medievalist in the development context of the Soviet Dissertation Culture

А. М. Skvortsov

¹S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg Branch), 5 Universitetskaya nab., Saint Petersburg 199034, Russia

²Chelyabinsk State University, 129 Brat'ev Kashirinyh St., Chelyabinsk 454001, Russia

Artyom M. Skvortsov, artyom-skvorcov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3287-4154>, AuthorID: 638407

Abstract. In this article the formation of A. S. Bartenev as a medieval scholar is considered against a broad background of institutional changes and reform of the system of higher education and postgraduate studies in the USSR in the second half of the 1920s – first half of the 1930s. The development of the system of academic training in the field of medieval studies took place under the direct influence of the scholars of the “old” school, who sought to adapt the traditional requirements for qualifying essays to the new conditions. Thus, they established continuity in the development of science.

Keywords: Bartenev A. S., Saratov University, Leningrad University, medieval studies, dissertation culture, Soviet postgraduate studies

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation, project number 22-28-00557 “The Dissertation Culture of the Academic Community of Soviet Historians in the 1920s and 1950s: Adaptation of Pre-Revolutionary Experience and the Search for a New Model of Scholarly Training”

For citation: Skvortsov A. M. Alexei Sergeyevich Bartenev: The Becoming a Medievalist in the development context of the Soviet Dissertation Culture. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 17–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-17-23>, EDN: NIXFEC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Алексей Сергеевич Бартнев – представитель ленинградской исторической школы – стоял у истоков саратовской медиевистики [1, с. 27–32; 2, с. 138–142]. Будучи заведующим кафедрой (1937–1941), он стремился внедрить в университете Поволжья специализацию по западноевропейскому Средневековью, параллельно проводя исследования в этой области. Но его биография интересна и в более широком контексте. Становление А. С. Бартнева как историка падает на вторую половину 1920-х – 1930-е гг. – противоречивое время, которое начинается практически с отказа в университетах от медиевистики как самостоятельной дисциплины, а заканчивается возвращением к традиционным представлениям о научной исторической специализации. Все эти процессы неизбежно сказались на жизненном пути А. С. Бартнева.

В 1926 г. Алексей Сергеевич оканчивает 22-ю советскую единую трудовую школу в Ленинграде [3, л. 2] и, сдав необходимые экзамены (математику, физику, историю литературы, политграммоту) на высший балл («весьма удовлетворительно»), поступает на литературно-лингвистическое отделение факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета [3, л. 1–1 об.]. Выбор новоиспеченного студента сначала пал на довольно престижный, но вместе с тем сложный цикл культур Востока с «уклоном» на китайский язык. Вероятно, здесь впервые проявился его интерес к экзотическим письменностям: позже он будет преуспевать на занятиях по латинской палеографии у О. А. Добиаш-Рожественской. Однако уже через год Алексей Сергеевич задумывает сменить учебное заведение. В заявлении с просьбой о выдаче академической справки о прослушанных курсах сообщается причина ухода из университета: трудно дается изучение языков, в частности китайского [3, л. 36]. Его отец Сергей Николаевич Бартнев – преподаватель Ленинградского института путей сообщения – пытается пристроить сына у себя в вузе [3, л. 7]. Однако по невыясненным причинам задуманное не удалось осуществить, и Алексей Сергеевич остался в университете, сменив при этом специальность. В 1930 г. он заканчивает историко-лингвистический факультет, появившийся после реорганизации в 1929 г. факультета языкознания и материальной культуры, по историческому отделению. В автобиографии 1937 г. А. С. Бартнев отметит, что специализировался в студенческие годы по средним векам [4, л. 26]. В действительности как таковой специализации во второй половине 1920-х гг. не было. В качестве остатка медиевистики тогда функционировал только кабинет вспомогательных исторических дисциплин (1920–1929 гг.), основанный О. А. Добиаш-Рожественской при участии ее учениц М. А. Тихановой, Е. Ч. Скржинской, А. Д. Люблинской [5,

л. 8 об.], однако в учебном процессе эта структура практически не была задействована.

В учебном плане исторического отделения имелось большое количество общих дисциплин (студентов готовили прежде всего к педагогической деятельности в школах), а также ряд семинаров и спецкурсов по выбору. Среди прослушанных А. С. Бартневым курсов были традиционные исторические (История Западной Европы до XVI в., История Западной Европы XVI–XVIII вв., История Франции XIX и XX вв., Новая история России, Курс древней русской истории, История России XVII–XVIII вв., История Средиземноморья в древности, История Средиземноморья с V в.), новые «идеологические» (Государственное устройство СССР, Экономическая политика, Экономическая география, История социализма, История развития общественных форм; семинары по истории ВКП (б), истории социализма, историческому материализму), «военные» (Уставы, Военно-химическое дело, Артиллерия, Материальная часть оружия, Стрелковое дело, Военно-инженерное дело и связь), педагогические (семинары по политике и организации народного образования в СССР, педагогике, теории трудовой школы, методике обществоведения). Обращает на себя внимание и попытка сохранения в учебном плане исторического отделения филологической составляющей (курсы по Введению в языкознание, Истории русской литературы XX в., латинскому, французскому и английскому языкам) [3, л. 30]. Последнее, безусловно, станет хорошим подспорьем для будущих медиевистических штудий А. С. Бартнева.

В годы обучения у А. С. Бартнева формируется и его будущий научный интерес, что следует из выбранных им курсов – преимущественно по истории Франции: Революционное правительство 1793–1794 гг., Парижская коммуна 1871 г., Возникновение абсолютизма во Франции, Революция 1848 г. во Франции и Германии. Он также участвовал в семинарах по Истории ранневропейского феодализма, Историографии, Истории аграрных отношений в Англии, Крестьянской войне в Германии [3, л. 30]. Такое обилие и разнообразие проработанных курсов подводит к мысли о том, что большая часть из них не была, как в дореволюционное время, источниковедческой по характеру с чтением и детальным разбором конкретного документа на языке оригинала. Скорее эти дисциплины имели социологизаторскую направленность. Такое предположение можно сделать, обратив внимание на научные интересы закрепленных за дисциплинами преподавателей. Так, П. П. Щёголев, проводивший курс по истории аграрных отношений в Англии, в основном, специализировался по Великой французской революции, Н. Н. Розенталь, объявлявший разные семинары по французской истории Нового времени, защитил магистерскую работу по Юлиану

Отступнику (1922). Последний, хотя и учился у И. М. Гревса еще до революции, уже с середины 1920-х гг. стремился встать на позиции «научного материализма и последовательного атеизма» [6].

Н. Н. Розенталь в воспоминаниях (1960) всячески подчеркивает идейный и методологический разрыв со своим учителем и дореволюционной петербургской «идеалистической» медиевистикой. Далекое не случайным является отсутствие его статьи в сборнике «Средневековый быт» (1925), подготовленном преданными учениками в честь 40-летия научно-педагогической деятельности профессора И. М. Гревса. В 1920-е гг. Н. Н. Розенталь выпустил целый ряд книг общего и даже беллетристического характера: Западно-европейское средневековье (Ч. 1 – 1924; Ч. 2 – 1925), Исторический путь Запада (1926), История Европы в эпоху торгового капитализма (1927) [7, с. 147–151], в которых рисовал в самых общих чертах ход исторического процесса с позиции экономического детерминизма и классовой борьбы. По справедливому замечанию А. В. Свешникова, автор «пытается дать [здесь] широкому кругу “неподготовленных читателей” некое целостное и систематическое представление о средневековой истории» [8, с. 174]. В этих работах отсутствует какая-либо новизна: нет введенных в научный оборот источников и свежих интерпретаций, но рассмотрение исторического материала с позиции экономического детерминизма позволило заслужить Н. Н. Розенталю авторитет у новых университетских властей. С 1924 г. он ведет в Ленинградском университете курсы по средневековой истории, носящие характерные названия: История крестьянства в средневековой Европе, Происхождение торгового капитализма и пр. А в 1934 г., когда будет воссоздана факультетско-кафедральная структура, именно Н. Н. Розенталь станет первым заведующим кафедрой истории средних веков (до 1935 г.), чему способствовало его активное участие в дискуссиях по проблемам феодализма начала 1930-х гг., где он много высказывался в резко-негативных тонах и часто голословно о «буржуазной» науке, а также покровительство декана исторического факультета ЛГУ, яростного разоблачителя «классовых врагов» Г. С. Зайделя, [9, с. 7–11]. Вместе с тем нельзя не отметить и достоинства Н. Н. Розенталя как талантливого лектора-популяризатора. Вот как о нем отзывался Л. Л. Раков, учившийся примерно в одно время с А. С. Бартеневым: «...Милый человек, всей своей сущностью, как и внешним видом, предназначенный для самых мирных зрелищ; ему бы вести вежливый академический спор, произносить спич на юбилее, бархатно резюмировать итоги занятий семинара по истории средних веков» [10, л. 15].

Еще в студенческие годы А. С. Бартенев начал педагогическую деятельность, став в 1928 г.

преподавателем обществоведения в детском доме № 7 и школе № 47 Ленинграда. После окончания университета в 1930 г. он получил место заместителя директора по учебной части Учебного комбината им. Ворошилова, одновременно с этим заведовал учебной частью в образцовых школах № 47 и № 1, где также преподавал обществоведение [11, л. 8]. Важно заметить, что в автобиографии 1934 г., написанной при поступлении в аспирантуру, А. С. Бартенев сообщает о ведении им в школах курса обществоведения (что является корректным), тогда как в автобиографии 1937 г. говорится о преподавании истории [4, л. 26]. Очевидно, автору важно было представить свой профессиональный опыт как историка-педагога и дистанцироваться от распространявшегося на рубеже 1920–1930 гг. социологизаторства. На поприще учителя он явно демонстрировал успехи, за что в 1932 г. учебная часть образцовой школы Октябрьского района направила его в вечернюю аспирантуру Государственного института научной педагогики [12, л. 1].

Однако поступил А. С. Бартенев в аспирантуру только в 1934 г., когда было восстановлено высшее историческое образование и ученые степени. Выбор им кафедры истории средних веков ЛГУ объясняется как его собственными научными интересами, так и тем, что кафедрой до 1935 г. руководил Н. Н. Розенталь, его университетский преподаватель, на семинары к которому А. С. Бартенев неоднократно записывался. Тот, поняв тенденцию на возрождение фундаментального исторического образования, в 1934 г. пригласил на открывшуюся кафедру своих наставников – И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рожественскую. Им и предстояло готовить аспирантов-медиевистов. И. М. Гревс по этому поводу писал: «Вообще, в обоих уч[ебных] зав[едениях] [в ЛГУ и ЛИФЛИ. – А. С.] и ко мне, и к О[льге] А[нтоновне] выражают внимание и почтение» [13].

Несмотря на бытующее в литературе представление об обществе 1930-х гг. как о тоталитарном, в деле организации учебного процесса аспирантов и наполнении его конкретным содержанием Наркомпрос предоставлял большую свободу. В постановлении СНК сама специфика диссертационного исследования определялась очень размыто: «Диссертация должна обнаружить общие теоретические знания в области данной дисциплины, специальные знания по вопросам диссертации и способность к самостоятельному научному исследованию». В инструкции по работе с аспирантами ЛГУ подчеркивалась высокая ответственность научных руководителей и кафедры за качество подготовки соискателей. Профессора, ориентируясь на собственный опыт, стремились внедрить и закрепить в новых условиях старые, восходящие к дореволюционным временам, представления о семинарах как основе

качественной подготовки научных кадров, а также высокие требования к квалификационному сочинению [14, с. 47–51]. О. А. Добиаш-Рождественская в позитивистском ключе писала в связи с докладом И. И. Межлаука по вопросам преподавания гуманитарных наук (1937) о необходимости не просто выполнять программу на лекциях, но и создавать атмосферу «творящейся науки» и что практические занятия в исторических науках «возможны ... подчас почти в той же форме «экспериментальной», и во всяком случае «опытной», как в науках естественных»; по ее мнению, благодаря изучению первоначального материала «вырабатывается ответственное мастерство исследовательской техники» [15, л. 1–1 об.].

Руководствуясь указанными соображениями, И. М. Гревс уже в первом семестре проводил для аспирантов семинар по африканским аграрным надписям римского времени: «Дело идёт хорошо, они (аспиранты. – А. С.) очень восприимчивы, достаточно подготовлены, занимаются с интересом, охотно отзываются на предлагаемые задачи и от работы не уклоняются. Работаю с ними с большим интересом. Намереваюсь составить из результатов семинария выпуск комментированных текстов в качестве учебного пособия» [13]. Может показаться неуместным объявленный на кафедре средних веков семинар по античной эпиграфике, но И. М. Гревс был убежден в том, что античные штудии «очень вышколивают работника, потому что уже источники определённые и методы выработаны» [4, л. 58]. В последующие годы И. М. Гревс объявлял семинары по Каролинским памятникам и по хронике Дино Компаньи. О. А. Добиаш-Рождественская проводила занятия по источниковедению и латинской палеографии: в течение первых полутора лет аспиранты слушали лекции, занимались под непосредственным началом руководителя семинара лабораторной работой по западной историографии, дипломатике, исторической хронологии и географии, а затем слушателям предлагалось самостоятельно исследовать документы, которые могли напрямую не соотноситься с избранной диссертационной темой [16, л. 1]. Другими словами, подготовка аспирантов была направлена на привитие им источниковедческой культуры, методов работы со средневековыми оригинальными источниками, что они не смогли получить в студенческие годы.

Судя по индивидуальным планам аспирантов, первый год их обучения посвящался в том числе изучению (с последующей сдачей коллоквиумов) общих трудов по истории изучаемой страны (прежде всего из зарубежной историографии). На втором году научным руководителем предлагались для чтения монографии по узкоспециальным вопросам, связанным с темой диссертации [17, л. 20–21]. Такой подход позволял обучающимся вписывать исследуемую проблему

в общий контекст исторического развития, устанавливать причинно-следственные связи и видеть широкую перспективу. А источниковедческим навыкам аспирантов сразу же находилось практическое применение. О. А. Добиаш-Рождественская, возглавив еще в 1920-е гг. работу по каталогизации западноевропейских рукописей в Публичной библиотеке, привлекала к этой деятельности своих учеников, поручая атрибутировать те или иные документы. Так, в 1936 г. А. С. Бартнев анализировал нормандский свиток 1368 г. с информацией о заработной плате плотников и каменщиков, С. М. Пумпянский сосредоточился на французском свитке начала XIV в. с данными о хозяйственной жизни Орлеанского бальяжа, В. И. Холмогоров специально работал над частью рукописи Адемара Шабанского, В. Н. Семёнов разбирал рукопись Салической правды [16, л. 1–1 об.].

Аттестуя в 1936 г. аспирантов, О. А. Добиаш-Рождественская так охарактеризовала А. С. Бартневу: «Отвлечённый большой преподавательской работой, он до сих пор не смог с надлежащей глубиной сосредоточиться над своей исследовательской работой. Хотя он и овладел в общем, но гораздо меньшей точностью и ответственностью, чем желательно, орудиями работы. Здесь ему предстоит еще совершенствоваться. К работе над рукописью, связанной с его темой, он только приступил, так же, как и к разработке самой темы. Но он превосходно овладел минимумом литературы и языками. И весь тон его работы, серьёзный и ответственный» [16, л. 1–1 об.]. В этих строчках сконцентрированы все основные требования, предъявляемые к будущему научному работнику-медиевисту представителями «старой» школы: овладение источниковедческим инструментарием и комплексом специальных исторических дисциплин, знание языков изучаемой эпохи и исследовательской литературы, скрупулезность. Уже через год О. А. Добиаш-Рождественская будет довольно высоко оценивать работу своего ученика: «Мой “ближайший сын” А. С. Бартнев безмерно радуется каждой новой главой своей книги “Образование Нормандского герцогства”. Какая свежесть мысли, точное ее обоснование, изящество оформления. Первое поколение нашей аспирантуры – хорошее поколение» [18, с. 278].

Защита кандидатской диссертации А. С. Бартнева «Генезис средневековой Нормандии» состоялась 3 октября 1937 г., ровно через 3 года после его поступления в аспирантуру. Выбранная тема, с одной стороны, продолжала распространённую в петербургской (ленинградской) медиевистике тему средневековой Франции, с другой, на материалах конкретного региона давала возможность рассматривать актуальный для зарождающейся советской историографии вопрос генезиса феодализма. Сохранившаяся стенограмма

диспута позволяет охарактеризовать А. С. Бартенева как ученого-медиевиста, а также представить его подходы к научному сочинению и выявить степень их преемственности с предшествующей традицией.

Свою диссертацию, как и выступление на диспуте, соискатель начал с характеристики хроник Дюдона и Гильома (Гийома) Жюмьежского, картуляриев св. Вандрегизела и др. Источниковедческое критическое введение «с расчисткой Дюдона от фантастики и определение меры, в какой мы можем и должны принять Дюдона», позволило оградиться от социологизаторских обвинений, а также презентовать себя почтенной публике как ученого, мыслящего в традиционном позитивистском ключе, идущего от фактов и источников к построению закономерностей. В своем отзыве О. А. Добиаш-Рождественская заметила: «Вся Ваша кузница кипит перекрёстным огнём сталкивающихся текстов» [19, с. 229–230].

Старшее поколение историков прививало не только источниковедческую, но и филологическую и историографическую культуру. На выходявших на защиту аспирантов смотрели как на состоявшихся ученых, для которых не требуется мелочная опека, в частности вычитка текста. Отзыв, который дает О. А. Добиаш-Рождественская на диссертацию своего ученика, отнюдь не наполнен дифирамбами. Она без обиняков сообщает о недостатках, обращая внимание, например, на отсутствие акрибии в передаче имен собственных: по ее мнению, до XI в. в передаче французских имен нужно пользоваться латинской транскрипцией и не следует называть св. Германа Жерменом, а Одоэна Уэном и т. д. Она также выразила несогласие с некоторыми тезисами: о подражании Дюдона греческим авторам или с тем, что госпитами исчерпывался земледельческий состав монастыря св. Вандрегизела [19, с. 228–229].

Особое внимание О. А. Добиаш-Рождественская и И. М. Гревс в своих выступлениях на диспуте уделили стилю написания диссертации и историографической культуре – пункты, важные для этапа становления советской исторической науки. В 1920-е гг., когда писались в основном популярные труды по истории, произошло сближение научного языка с публицистикой, а революционный порыв привел к огульной критике дореволюционной традиции и зарубежных ученых. И. М. Гревс, обращаясь к соискателю, с удовлетворением произнес: «Надо отметить корректное отношение к тем, с кем вы спорите; нет никаких резких выступлений, которые как будто выставляют себя как человека более умного, чем предшественники» [4, л. 59]. О. А. Добиаш-Рождественская сказала об этом метафорично: «Вы критикуете, отбрасывая ..., отсеивая слабые, неверные мысли Ваших предшественников. Слабое с чувством такта

и экономии времени Вы отбрасываете одним ударом плеча, на сильное направляете энергичный упор, не возясь с пустяками» [19, с. 229].

Для сравнения обратим внимание на диспут примерно этого же времени В. Г. Ревуненкова, представившего диссертацию по теме «Политический кризис 1862 г. в Пруссии». Соискателя подвергли жесткой критике именно за авторский слог, «манеру развязно и грубовато браниться, непрерывный, а потому утомляющий читателя саркастический тон, презрительное похлопывание по плечу всех и каждого, о коем только заходит речь в работе, невозможные в научном труде залхватские выражения [курсив мой. – А. С.]» [20, л. 9, 14]. Научный слог, по мнению, Е. В. Тарле, одного из оппонентов, предполагал отказ от эмоциональных оценок, стиля лозунгов и политических программ.

Публичные собрания, что собой являли и диспуты, на которых присутствовало большое количество представителей научного сообщества, позволяли легитимизировать выдвинутые положения и закрепить на неформальном уровне требования к квалификационным сочинениям. Очевидно, корпорация ориентировалась на сохранение норм, в том числе языковых, присущих традиционной науке. Дистанцируясь и даже противопоставляя свою продукцию публицистике и периодической печати, сообщество ученых тем самым формулировало важные для себя принципы и требования, очерчивая собственное пространство, позволяя заявить о себе как об особой субкультуре. Так, Е. В. Тарле много времени в выступлении посвятил критике источниковедческой культуры диссертанта. По словам академика, соискатель без должного критического подхода и объяснения ссылался на работы популярного характера [20, л. 9]. На защите кандидатской диссертации И. В. Арского («Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.», 29 ноября 1937 г.) О. А. Добиаш-Рождественская высказала соискателю неодобрение за желание «отщелкать» «буржуазных» историков (в особенности В. К. Пискорского) путем формального (без соответствующей содержательной критики работ) обвинения их в идеализме, либерализме, формализме [21, с. 240–241].

Оставляя в стороне концептуальную сторону диссертации А. С. Бартенева, о чем уже писал А. И. Москаленко на основании позже опубликованных им статей [2, с. 138–142], обратим внимание на науковедческий аспект. Сам диспут, судя по стенограмме, носил формальный характер. Ярких дискуссий и споров, как, например, в дореволюционное время, не происходило. Максимум: вопрос – ответ. Даже сам формат общения, при котором о соискателе говорилось в третьем лице, а не во втором (как это было принято прежде), подразумевал некоторую отстраненность оппонентов от «живого» диалога

и спора. И. М. Гревс начал свое выступление следующими словами: «Мне тоже хочется, как Ольге Антоновне говорить не в третьем лице, а во втором, зная, что тут сидит А[лексей]. С[ергеевич]. Это как-то напоминает старину. У нас прежде обыкновенно всегда так и было – факультет сидел там, а диссертант стоял за кафедрой, и они друг на друга смотрели...» [4, л. 58 об.].

Собственно, и формально мероприятие именовалось заседанием Ученого совета исторического факультета, на котором присутствовали его постоянные члены: председатель Комаров; профессора: Струве, Греков, Ковалёв, Вайнштейн; доценты: Мавродин, Кухарский; и. о. декана Гуткина, помощник декана Черницкий; секретарь парткома Клементьев; председатель от профсоюзной организации Иванов [4, л. 39]. Из перечисленных лиц медиевистом был лишь О. Л. Вайнштейн, в ту пору занимавший должность заведующего кафедрой истории средних веков. Задача заседания по сути состояла в том, чтобы рассмотреть предварительное решение квалификационной комиссии по данной диссертации (О. Л. Вайнштейн, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рожественская) и сформулировать соответствующее заключение.

Показательны и сами выводы комиссии. Приведем их полностью: «1) тема работы выбрана удачно, восполняя существенный пробел в исторической литературе, даже на западе чрезвычайно бедной и по ранней истории Нормандии; 2) автор для данной работы исчерпывающим образом использовал всю литературу; 3) автор владеет марксистско-ленинской методологией и основательно использовал все относящиеся к затронутым проблемам высказывания классиков марксизма-ленинизма; 4) несмотря на известные пробелы в кругу захваченных авторов в своей работе источников, важнейшие источники использованы интенсивно, причём автор обнаружил способности к их самостоятельному критическому анализу; 5) автором установлены новые факты, в частности, хронологического порядка, и дан ряд оригинальных построений синтетического характера. Работа представляет определённую научную ценность и может быть рассматриваема как солидная работа, вполне удовлетворяющая требованиям, предъявляемым к хорошей кандидатской диссертации» [4, л. 1].

Итак, диссертационное исследование оценивалось с позиций, вполне традиционных для исторической науки, выдвинутых самим же сообществом ученых. Внимание обращалось на место автора в историографии, умение анализировать и обобщать источники и научную литературу. К достоинству отнесено и установление соискателем новых исторических фактов, что в связи с критикой «школы Покровского» приобретало новое звучание. Давалась оценка актуальности выбранной соискателем темы для западноевропейской науки. В этом тезисе видно стрем-

ление воссоздать важность для отечественных штудий учета достижений зарубежных коллег и, несмотря на бурные политические события в стране, констатировать неотделимость советской науки от общемирового контекста. Конечно, степень владения соискателем марксистско-ленинской методологией подчеркивалась, но в отзывах рецензентов этот пункт имел далеко не первостепенное значение. Скорее, он носил «дежурный» характер. О. Л. Вайнштейн в своем выступлении на диспуте Бартенева, отметив ряд сложностей источниковедческого и историографического характера при работе над темой, заявил, что соединить разрозненные элементы, взятые из средневековых документов, выстроить логически верно диссертацию удалось благодаря освоению марксистского метода и умелому использованию указаний марксизма [4, л. 46–46 об.]. По сути руководитель кафедры изложил логику написания квалификационного исследования, с которой соглашались и научные руководители – воспитанники «старой» школы, бравшие в 1930-е гг. аспирантов: первоначальная работа над источником после достаточного овладения инструментарием историка и далее – синтез полученных данных с помощью «единственно верного учения».

Перечисленные параметры оценки квалификационного сочинения в совокупности с ностальгическими воспоминаниями выступавших на диспуте, неоднократными отсылками И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рожественской к традициям петербургской школы медиевистики и, наконец, объявление И. М. Гревсом А. С. Бартенева своим учеником [4, л. 63] позволяют судить о происходившей первой защите аспиранта по средним векам в ЛГУ как о некоем ритуальном действии, необходимом не только для соискателя в его движении к искомой степени, но и для старшего поколения. Вербализируя и тем самым возрождая естественные для науки требования, ученые создавали преемственность с дореволюционными нормами. Звучащие из уст старшего поколения слова: школа, ученик, учитель, – возвращали у неопитов чувство причастности к традиции и желание ее продолжать и развивать, что и пытался делать А. С. Бартенева в Саратовском университете в пору недолгого там пребывания.

Список литературы

1. *Гальямичев А. Н.* Медиевистика в Саратовском университете: очерки истории (1917–1977). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2010. 116 с.
2. *Москаленко А. И.* Из истории медиевистики в Саратовском университете второй половины 30–40-х годов XX столетия // *Историографический сборник.* Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. Вып. 13. С. 138–142.

3. Личное дело студента А. С. Бартенева // Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240 (ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»). Оп. 10. Д. 44.
4. Дело по защите диссертации А. С. Бартенева // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 253.
5. *Вайнштейн О. Л.* Кафедра истории средних веков // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 525ж. Л. 1–10.
6. *Розенталь Н. Н.* Из Петербурга в Москву. Воспоминания русского интеллигента и гражданина СССР / публ. подг. Д. О. Смекалин. URL: http://samlib.ru/s/smekalin_d_o/izpeterburgawmoskwu.shtml (дата обращения: 20.03.2022).
7. *Брачёв В. С.* Судьба профессора Н. Н. Розенталя (1892–1960) // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 145–160.
8. *Свешников А. В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск : Издательство Омского государственного университета, 2010. 408 с.
9. *Лебедева Г. Е., Якубский А. В.* Первый заведующий кафедрой истории Средних веков Н. Н. Розенталь // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. Вып. 5. С. 3–22.
10. *Раков Л. Л.* В капле воды. Рассказы (на правах воспоминаний) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1445 (Раков Л. Л.). Д. 6.
11. Личное дело аспиранта А. С. Бартенева // Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1 (Личные дела сотрудников и преподавателей). Оп. личных дел аспирантов 1927–1957 гг. Д. 137.
12. Личное дело А. С. Бартенева // ЦГА СПб. Ф. 7449 (Институт научной педагогики при Педагогическом институте им. Герцена). Оп. 18. Д. 21.
13. Письмо И. М. Гревса к Н. П. Анциферову от 14 ноября 1934 г. // «Я всегда любил преподавание, но теперь в области истории – это очень трудное дело». Письма И. М. Гревса к Н. П. Анциферову. 1934–1941 // Отечественные архивы. 2017. № 1. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/2693/ya-vsegda-lyubil-prepodavanie-po-teper-v-oblasti-istorii-eto-ochen-trudnoe-delo-pisma-im-grevsa-k-np-anciferovu-1934-1941-gg> (дата обращения: 20.03.2022).
14. *Скворцов А. М.* Кадры решают всё? Подготовка кадров по античной истории в 1920–1930-е гг. // Советская древность : люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред С. Г. Карпюк. М. : ИВИ РАН, 2022. С. 7–55.
15. *Добиаш-Рожественская О. А.* Замечания по докладу И. И. Межлаука по вопросам преподавания гуманитарных наук // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254 (Добиаш-Рожественская О. А.). Д. 41.
16. *Добиаш-Рожественская О. А.* Отзыв о работе аспирантов С. М. Пумпянского, Б. Я. Рамм и В. Н. Семенова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254. Д. 38.
17. *Добиаш-Рожественская О. А.* Материалы по работе ее с аспирантами ЛГУ и ГАИМК: инструкции, планы, программы, отзывы о работе аспирантов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254. Д. 34.
18. Письмо О. А. Добиаш-Рожественской Д. М. Петрушевскому от 11 мая 1937 г. // *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья / отв. ред. В. И. Рутенбург. М. : Наука, 1987. С. 277.
19. *Добиаш-Рожественская О. А.* Выступление на защите кандидатской диссертации А. С. Бартенева «Образование Нормандского герцогства» (ЛГУ 11.X.1937 г.) // *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья / отв. ред. В. И. Рутенбург. С. 226–231.
20. Дело по защите диссертации В. Г. Ревуненкова // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 12. Д. 373.
21. *Добиаш-Рожественская О. А.* Выступление на защите кандидатской диссертации И. В. Арского «Аграрный строй Каталонии IX–XII вв.» (ЛГУ, 29.XI 1937 г.) // *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья / отв. ред. В. И. Рутенбург. С. 238–244.

Поступила в редакцию 01.08.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 10.11.2022
 The article was submitted 01.08.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 10.11.2022